

For citation:

Graneva, I. (2019) RUSSIAN AND CZECH PERSONAL AND POSSESSIVE THE 1ST AND 2ND PERSON PRONOUNS IN THE LIGHT OF CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.31-36.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

Для цитирования:

Гранева, И. Ю. (2019) РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ I И II ЛИЦА В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 31-36.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

Information about the author: Graneva Irina - Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of the History of the Russian Language and Comparative Slavic Linguistics, Institute of Philology and Journalism National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: irina.graneva@mail.ru

Сведения об авторе: Гранева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, руководитель Чешского центра образования и культуры, старший преподаватель кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания, Институт филологии и журналистики. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
e-mail: irina.graneva@mail.ru

Manuscript received: 05/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

NEW MEANINGS OF CATCH-PHRASES: GENERAL TENDENCIES

Elena Grigorian

Candidate of Philology, Senior Lecturer

Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Abstract. The paper deals with general tendencies in emergence of new meanings of phraseological units and so-called winged words, or catch-phrases, Russian and Latin, especially when the initial meaning is forgotten or obscure. The examination of such cases reveals the tendency for literal interpretation, or reinterpretation of inner form involving a device analogous to folk etymology. In some cases the original meaning being alien for a present-day mind results in adaptation of the meaning to contemporary world-view and system of values. Other factors that may be relevant are reinterpretations of grammatical forms, lexical and semantic archaisms; mistakes in translations of borrowed expressions involving alternative selection of meanings of polysemous words, etc.

Keywords: winged words (catch-phrases), phraseology, inner form, reinterpretation

НОВЫЕ СМЫСЛЫ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Елена Григорьян

Кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Аннотация. Рассматриваются общие тенденции в развитии новых смыслов у русских и латинских крылатых слов и выражений, в первую очередь анализируются такие примеры, когда первоначальное значение оказывается полностью забытым или малоизвестным. В подобных случаях явно прослеживается тенденция к буквальному прочтению или возникает новая интерпретация образа, внутренней формы выражения, что, в свою очередь, может быть обусловлено забвением исходных контекстов; таким образом, действует механизм, аналогичный народной этимологии. В некоторых случаях существенна чуждость первоначального содержания для современного сознания, по крайней мере массового, что приводит к адаптации смысла (видимо, бессознательной) к современному миропониманию и системе ценностей; также может иметь место альтернативная интерпретация грамматических форм, лексических и семантических архаизмов, а также ошибки в переводе, связанные с выбором других значений многозначных слов, обычно в пользу более известных и употребительных, и т.д.

Ключевые слова: крылатые слова, фразеология, внутренняя форма, переосмысление

ВВЕДЕНИЕ. В числе основных факторов, определяющих развитие языка и формирующих его строй и состав, И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечает «бессознательное забвение и непонимание (забвение того, о чём сознательно и не знали и непонимание того, чего сознательно и не могли понимать), ... но забвение и непонимание производительное, положительное, вызывающее нечто новое поощрением бессознательного обобщения в новых направлениях» (Baudouin de Courtenay 1956:226). Это в полной мере относится к жизни крылатых слов и выражений, при всей специфике этой группы и при её неоднородности (часть этих единиц бесспорно относится к фразеологии, т.е. представляет собой фразеологизмы, относительно других нет единого мнения – по крайней мере что касается укоренившихся в узусе цитат, используемых в своём прямом значении, и однословных единиц). Вместе с тем вся эта разнородная группа следует ряду общих тенденций, которые и будут рассмотрены далее.

Основными источниками материала для данного исследования послужили словари крылатых выражений – русских (Ashukin, Ashukina 1988), (Berkov et al., 2005), латинских (Babichev, Borovsky 1982) и иноязычных разного происхождения (Babkin, Shendetsov 1981, 1987), используемых в русской речи, причём некоторые из них встречаются как в оригинальном виде, так и в русском варианте.

Специфика крылатых слов связана с тем, что, во-первых, они, по крайней мере первоначально, привязаны, хотя и в разной степени, к исходным контекстам, а на практике переносятся и на иные ситуации; во-вторых, они обладают явной внутренней формой, которая также может давать толчок к переосмыслению.

Следует оговорить, что мы рассматриваем именно переосмысления, а не случаи обычного расширения значения, использования готовых форм для обозначения более широкого круга ситуаций, чем в первоначально употреблении, что и делает высказывание крылатым выражением, например, *Всё смешалось в доме Облонских* – содержание уже никак не связано с Облонскими или событиями в их доме и к ним не отсылает; или *в Греции всё есть, Прогнило что-то в Датском королевстве* и т.п., где Греция или Датское королевство уже ничего не значат, но *всё есть, прогнило* (в смысле неблагоприятного положения) используются всё в том же значении, что и в исходном контексте. Также не рассматриваются случаи обозначения аналогичных (в каком-то отношении) ситуаций, типа *Пришёл, увидел, победил* в смысле быстрого и успешного решения какого-либо дела; или многочисленные случаи иронического употребления, в том числе ставшие узуальными и зачастую вытеснившие исходные значения, типа *злчное место, Кухарка может управлять государством, Умом Россию не понять*. Всё это обычные и достаточно распространённые процессы в исторической семантике, стандартные модели трансформаций изначального смысла.

ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ. Представляются более интересными случаи другого рода, в которых обнаруживается явная тенденция к буквальному прочтению. Она объясняется тем, что первоначальный контекст незнаком или выражение с ним уже не ассоциируется, а смысл неочевиден – особенно если фраза встречается вне всякого контекста, как латинские крылатые выражения в учебниках, или если новый контекст не даёт однозначной подсказки. Так, например, *В начале было слово* – изречение широко известное, но его первоначальное значение неизвестно рядовому носителю языка, а для филологов и философов остаётся предметом различных трактовок, которые обращены не к русской лексеме, а к греческому слову *logos* в контексте Евангелия от Иоанна. В речи же данное выражение часто понимается как «сначала было что-то сказано». «Большой словарь крылатых слов русского языка» (Berkov et al., 2005) определяет смысл этого выражения как «О первичности слова, ... о слове как о начале всякого дела» и подтверждает предлагаемую интерпретацию иллюстративным материалом. Такое понимание, по-видимому, поддерживается также существующим в нашей культуре представлением о силе слова. Аналогично *Всё моё ношу с собой / Omnia mea tecum porto* встречается как в своём первоначальном смысле «О духовном достоянии человека как об истинном богатстве» (Ashukin, Ashukina 1988), так и в прямом – о человеке, который носит всё своё имущество (обычно скудное) при себе.

Если выражение образное, то его смысл часто реконструируется на основе его внутренней формы, и образ получает более естественную интерпретацию, которая напрашивается как бы сама собой и понятна и без всякого контекста: действует механизм, аналогичный народной этимологии. Так, *Левая рука не ведает, что делает правая* даже в изолированном употреблении естественно воспринимается как образ непоследовательности, несогласованности в действиях, тогда как евангельский смысл данного образа – что благодетеля следует совершать тайно, не напоказ – в принципе не восстановим без контекста. Достаточно распространённое выражение *Иван, не помнящий родства* уже никак не связано с первоначальным юридическим значением термина *не помнящий родства* и обрело смысл, основанный на внутренней форме: оно обычно обозначает человека, забывшего свои исторические, национальные, духовные корни, и употребляется в высказываниях типа «Мы не должны быть Иванами, не помнящими родства». Аналогичный механизм переосмысления образа можно видеть и в выражении *растекаться мыслью по древу*, об исходном значении которого (в «Слове о полку Игореве») высказываются разные мнения – и толкование *мыслию* как *мысию*, т.е. белкой, и признание значения «мыслью» изначальным (Ashukin, Ashukina 1988), – однако при любой из предложенных трактовок очевидно, что современный смысл данного фразеологизма, уже описывающего не поэтическое мастерство, а отклонения от темы или излишнее внимание к подробностям, опирается на тот же образ дерева, разным поворотам и ответвлениям которого следует мысль, далеко уходя в разные стороны.

Заметим, что новое осмысление образа возможно и при широкой известности исходного контекста: так, цитата из общеизвестной басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» *Как под каждым ей листком был готов и стол, и дом,* наряду с тем смыслом, в котором употребляется в самой басне – беззаботной жизни на всём готовом; «легко достигаемой, без труда и материальных затрат, обеспеченности» (Ashukin, Ashukina, 1988), –

приобрело значение, отмечаемое в (Berkov et al., 2005): «о людях, довольствующихся малым, живущих аскетично, нетребовательных». Сочетание смыслов, унаследованных от исходного контекста, и переосмысления образа, подобно рассмотренным выше примерам, можно наблюдать также в выражении *каменный гость*, как оно трактуется в словарях: значение «о человеке, излишне сильно пожимающем другим руки» (Ashukin, Ashukina 1988), (Berkov et al., 2005) восходит к эпизоду из источника этого выражения – драме А.С. Пушкина «Каменный гость»; но значение «о крайне молчаливом человеке» (Berkov et al., 2005), «хранящий упорное молчание» (Ashukin, Ashukina 1988) уже не связано с пушкинским (или мольеровским, или мопертровским) текстом и, скорее всего, обусловлено коннотациями слова *камень*.

Причиной переосмысления крылатого выражения может также стать чуждость содержания для современного сознания, по крайней мере массового (иногда, но не обязательно, в сочетании с непонятностью языковой формы). Так, известное изречение из Нагорной проповеди *Блаженны нищие духом* (встречается и латинский вариант *Beati pauperes spiritu*) или отдельно употребляемое словосочетание *нищие духом* само по себе непонятно и требует объяснения. Некоторые словари (не все!) дают толкование исходного значения, однако за пределами евангельского контекста это значение вообще не встречается, а выражение *нищие духом* интерпретируется, в соответствии с внутренней формой, как убогие в духовном отношении; ср. словарные определения: «1. О смиренных, лишенных гордости и собственного достоинства людях. 2. О недалеких, ограниченных, лишенных духовных интересов людях» (Berkov et al., 2005) – причём первая дефиниция является оценочной подачей исходного, библейского значения; ср. также «смиренные, лишённые гордости, а также: нищие умом, лишённые духовных интересов» (Ashukin, Ashukina 1988), где первая часть отражает первоначальный смысл выражения. Смысл изречения в полном варианте – *Блаженны нищие духом* – объясняется, например, как «О вреде ума, интенсивной духовной жизни, мешающих непосредственной вере в бога» (Berkov et al., 2005); авторы отталкиваются от цитаты из В. Тендрякова, которая содержит негативную оценку, отличную от исконного смысла евангельской цитаты; другое значение – на наш взгляд удачно сформулированное в словаре (Babkin, Shendetsov 1981) – «Употр. обычно при иронической характеристике чьего-либо удовлетворённого состояния как следствия недомыслия или недалёкости». Причина того, что изначальный смысл утрачен (за пределами религиозного дискурса) – в характере современной культуры, для которой человеческая личность, индивидуальность, интеллект и чувство собственного достоинства являются ценностями.

Аналогичный пример – переосмысление изречения *Уничижение паче гордости* (с вариантами *Унижение/Смирение паче гордости*), что изначально значило «лучше быть униженным, чем вознестись»; современное же значение – «уничижение и есть гордость» (приводится по телевизионной лекции из цикла “Academia”, канал «Культура», 2013, лектор С. Иванов). В (Berkov et al., 2005) для основной статьи выбран наиболее мягкий вариант *Смирение паче гордости*, современный смысл которого объясняется как «Излишняя скромность имеет своим источником гордыню», но в той же статье приводится ряд библейских цитат, отражающих первоначальный смысл и связанных именно с унижением: «...всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк., 18, 14) и др.

Нередко сама форма высказывания неоднозначна и порождает несколько трактовок, в число которых может входить и первоначальная (а может и не входить). *Mens sana in corpore sano* и его русский перевод *В здоровом теле здоровый дух* в изолированном употреблении воспринимается в первую очередь как указание на причинно-следственную связь – именно в этом смысле оно пишется на медицинских учреждениях, спорткомплексах и т.п. Все комментаторы и авторы словарей указывают, что это значение не является первичным, а некоторые считают его даже противоположным изначальному (которое в свою очередь интерпретируется как призыв не ограничиваться заботой только о физическом здоровье); в качестве первоисточника, как правило, указывается 10 сатира Ювенала, соответствующий фрагмент которой полностью приводится в (Babichev, Borovsky 1982) – в оригинале и в русском переводе; в (Berkov et al., 2005) высказывается предположение, что Ювенал использовал уже существующую пословицу, и вероятнее всего это так, но в этом случае первоначальный смысл остаётся для нас гипотетическим; впрочем, (Serov) поясняет (без указания источника): «Предполагают, что в основе этой строчки Ювенала лежит известная в Древнем Риме поговорка: *В здоровом теле здоровый дух – редкое явление*». Если же брать реальный узус – а три из привлекаемых нами словарей дают обширный иллюстративный материал, причём разноплановый, – становится очевидным, что данная формулировка (иногда с другим порядком слов) используется для выражения различных смыслов вплоть до противоположных. Даже если ограничиться примерами, приводимыми в словарях, можно увидеть разброс от буквального понимания связи между физическим и духовным здоровьем или умственным развитием – от экспериментов, доказывающих правильность такого представления (*В здоровом теле - здоровый дух. Эта крылатая фраза поэта Ювенала широко известна. Египетский физиолог Абдель Вахаб эль-Наггар ... провел исследования, которые экспериментально подтвердили изречение многовековой давности. ... Тесты насообразительность и другие проверки показали: после тренировки умственная деятельность улучшилась* Пр., 26.12.83» (Berkov et al., 2005) до возражений типа «в здоровом теле не всегда здоровый дух» и призывов заботиться не только об умственном, но и о физическом развитии: «Надо стремиться к тому, чтобы в человеке здоровый дух соединялся со здоровым телом», ср. *Но нельзя же ставить школьное дело так, чтобы всё было направлено исключительно к развитию только умственной сферы ребёнка. Mens sana in corpore sano - как жаль, что это естественное и очень старое правило забыто!* Склифосовский, Материалы по этиологии школьн. искривления позвоночника (Babkin, Shendetsov 1987); встречаются также примеры использования этого выражения для констатации гармоничного сочетания того и другого, как в примере из А.И. Герцена *Вы ужасно*

изменились: ... такие стали, кровь с молоком. — *In corpore sano mens sana*, - отвечал он... (Babkin, Shendetsov 1987). Готовая формулировка оказывается подходящей для разного содержания.

Столь же неопределённым и допускающим различные прочтения является высказывание *Человек есть мера всех вещей*, которое обычно воспринимается примерно как «человек – это главная ценность, главный фактор, главный ориентир». ((Berkov et al., 2005) даёт, на наш взгляд, довольно неточное и более частное определение «О необходимости учитывать интересы людей при осуществлении своей деятельности», что соответствует даже не всем приводимым в той же словарной статье примерам.) Первоначальный же смысл этого высказывания – утверждение релятивизма – не существует вне контекста философии Протагора.

Понимание заимствованных выражений не в последнюю очередь зависит от перевода. Так, латинское *Ars longa, vita brevis*, или *Vita brevis, ars longa* (иногда передаваемое в русском варианте *Искусство велико – жизнь коротка* или *Жизнь коротка, искусство долговечно* или др.) в свою очередь восходит к греческому оригиналу – высказыванию Гиппократу, более точный перевод которого даётся в (Babichev, Borovsky 1982): «Наука обширна, а жизнь коротка»; там же приводится контекст в латинском варианте *vita brevis, ars vero longa, occasio autem praeceps, experientia fallax, iudicium difficile* и в переводе на русский язык: «Жизнь коротка, наука обширна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно». В латинском варианте слово *ars*, обозначающее искусство, соответствует греческому слову *tekhne*, обозначающему не только искусство, но и некоторые науки, в том числе медицину, а также естествознание, грамматику и др. Некоторые словари указывают значение «наука» и для *ars*, но основное значение *ars* 'искусство' является общеизвестным, так же как и значение «длинный» или «долгий» для *longus*; поэтому не удивительно, что и во многих учебниках латинского языка, и в «Словаре иностранных слов» (Slovar' 1984) даётся перевод «искусство долговечно, а жизнь (человека) коротка»: первоначальный контекст, скорее всего неизвестный составителям, здесь не привлекается и не осознаётся, и происходит всё то же буквальное понимание, о котором говорилось выше; данное прочтение также поддерживается существующим в нашей культуре представлением о бессмертии великих творений искусства. Некоторые словари, дающие подобные варианты перевода, иногда его уточняют: «Следует отметить, что смысл изречения Гиппократ не в том, что искусство долговечнее жизни, а в том, что искусство настолько велико, что на овладение им не хватит человеческой жизни» (Ashukin, Ashukina 1988); «Искусство (или наука) велики по своим целям и задачам, а жизнь человека коротка – всего сделать нельзя. Употр. в значении: дела много – жизни мало» (Babkin, Shendetsov 1981). Стоит заметить, что все примеры, приводимые в словарных статьях, – во всех случаях только с латинским вариантом (с разным порядком частей) – соответствуют именно этому, изначальному, смыслу данного изречения, относятся ли они к науке, искусству или другим областям деятельности.

Заметим попутно, что в словарях, которые дают русскоязычный вариант этого выражения, не приводится ни одного примера его использования (не удалось нам найти примеров и в Интернете), но упоминается его употребление в «Фаусте» Гёте в виде «Искусство долговечно, а жизнь наша коротка», и некоторые авторы (Ashukin, Ashukina 1988), (Berkov et al., 2005) указывают, что это способствовало распространению данного изречения. Переводчик не указан (скорее всего, это один из первых переводов на русский язык), но надо заметить, что такая формулировка никак не вяжется с контекстом (Часть 1., сд. 4). В оригинале Мефистофель произносит немецкий вариант данного изречения *Die Zeit ist Kurz, die Kunst ist lang*; в переводе Н. Холодковского – латинский вариант *Ars longa, vita brevis est*, а Б. Пастернак передаёт содержание данного высказывания как «Но жизнь, к несчастью, коротка, А путь до совершенства дальний», не цитируя крылатое выражение в его принятом виде.

Изменение значения может быть обусловлено и чисто языковыми факторами. Многие крылатые выражения содержат слова и обороты, непонятные современному носителю языка. Переосмысление может быть вызвано их неверным пониманием и приводить также к переделке их формы; это во многих случаях относится к церковнославянизмам. Классическим примером является известное словосочетание *ложь во спасение*, возникшее вследствие неверного понимания церковнославянского текста «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своея не спасется», в русском переводе «Ненадёжен конь для спасения, не избавит великою силою своею» (Ashukin, Ashukina 1988). Новое значение вообще не связано и исходным текстом и отталкивается только от языковых форм. В чём-то подобный, хотя и более простой пример представляет выражение *на сон грядущий*, изначально *на сон грядущим*, т.е. отходящим ко сну (Ashukin, Ashukina 1988). Переосмыслению мог способствовать тот факт, что слово *грядущий* употребительно в значении «предстоящий» (*грядущие перемены* и т.п.), тогда как в значении «идуший» является архаизмом; при этом оба прочтения совместимы с исходным контекстом и по сути не меняют его смысла (*молитвы на сон грядущим/на сон грядущий*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, обобщая рассмотренный выше материал, можно отметить доминирующую тенденцию в трансформации крылатых выражений: сложные философские и религиозные идеи переосмысливаются, как правило, в более простые, не требующие фоновых знаний и часто приближенные к более массовым представлениям (за возможным исключением некоторых выражений, имеющих книжный характер); практически во всех случаях укореняется относительно общедоступный смысл, выражаемый в достаточно прозрачной языковой форме.

LIST OF REFERENCES

Ashukin, N.S, Ashukina, M.G. (1988). *Krylatyie slova: Literaturnyie tsitaty; Obraznyie vyrazheniya* [Winged words: Literary quotations; Figurative expressions]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura

- Babichev, N.T., Borovskiy, Ya.M. (1982). Slovar' latinskikh krylatykh slov [Dictionary of Latin winged words]. Moskva: Russkiy yazyk.
- Babkin, A.M., Shendetsov, V.V. (1981). Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov. A-J. [Dictionary of foreign language expressions and words. A-J.]. Moskva: Nauka.
- Babkin, A.M., Shendetsov, V.V. (1987). Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov. K-Z. [Dictionary of foreign language expressions and words. K-Z.]. Moskva: Nauka.
- Berkov, V.P., Mokienko, V.M., Shulezhkova, S.G. (2005). Bolshoy slovar' krylatykh slov [Dictionary of winged words]. Moskva: Russkiye slovari, Astrel-AST.
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1956). Nekotorye obshchiye zamechaniya o yazykovedenii I yazyke [Some general observations on linguistics and language]. Khrestomatiya po istorii yazykoznaniiya XIX-XX vekov. Moskva: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo, 220-240.
- Serov V.V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Encyclopedic dictionary of winged words] <https://azbyka.ru/fiction/enciklopedicheskij-slovar-krylatyx-slov-i-vyrazhenij-serov/> [29.04.2019]
- Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moskva: Russkiy yazyk (11th ed.)

For citation:

Grigorian, E. (2019) NEW MEANINGS OF CATCH-PHRASES: GENERAL TENDENCIES // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp. 36-40. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

Для цитирования:

Григорьян, Е. (2019) НОВЫЕ СМЫСЛЫ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ” (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 36-40. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

Information about the author: Elena Grigorian – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Chair of General and Comparative Linguistics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Сведения об авторе: Елена Леонидовна Григорьян - кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Manuscript received: 06/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-40-43>

NATIONAL CHARACTER AND LANGUAGE PERSONALITY: CULTURAL VALUES AND TRADITIONS

Veronika Katermina
Doctor of Philological Sciences, Professor
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Abstract. This article dwells on national character as a complex entity. Special emphasis is put on the national culture and national language. Such terms as “national culture”, “national character”, “language personality” are taken into account. In order to understand the character of a nation, it is necessary to study, first of all, its history, social system and culture. It is important to understand that for a language personality it is impossible to draw a direct parallel with the national character but a deep analogy between them exists. It consists in the fact that the carrier of the national principle in both cases is relatively stable in time that is invariant on the scale of the personality itself, a part in its structure which is in fact the product of a long historical development and the object of intergenerational transfer of experience. The national permeates all levels of organization of the language personality, each of them acquiring a peculiar form of embodiment, and the frozen, statistical, invariant character of the national in the structure of the linguistic personality is transformed in the language itself into a dynamic, historical component. The idea that the national peculiarities cover all levels of the organization of the language personality, on each of them acquiring a peculiar form of embodiment is considered to be the basic notion.

Key words: national language, national character, language personality, culture, ethnos